

Розділ 1

СОЦІОЛОГІЯ: АКТУАЛЬНЕ, ДИСКУСІЙНЕ

УДК 316.73

Емельянова, Ю. (2019). Функции этнической культуры в эпоху «нового регионализма» (социально-философский анализ). *Социологические студии*, 1(14), 6–12.
DOI: <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2019-01-06-12>

Функции этнической культуры в эпоху «нового регионализма» (социально-философский анализ)

Юлия Емельянова –
доктор философских наук, профессор кафедры общей и социальной психологии и социологии, Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, Луцк, Украина

Yuliia Yemelianova –
PhD in Philosophy, Professor, Department of General and Social Psychology, and Sociology Lesya Ukrainka Eastern European National University, Lutsk, Ukraine

E-mail: emelianovasev@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5651-9889>

DOI: <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2019-01-06-12>

Received: March, 2019
1st Revision: April, 2019
Asseped: May, 2019

Анализируются функции этнической культуры в эпоху завершения очередной волны глобализации и начала эпохи мультирегионализма или «нового регионализма». Национальные государства утрачивают ряд своих важных функций, в том числе социального гаранта и носителя общенациональной социальной перспективы. Обесценивание концепта нации приводит индивидов к актуализации фундаментальной формы солидарности – этнической.

Генерализация концепта культуры в постнеклассической эпистемологии позволяет предложить авторское объяснение механизмов этнокультурной конвергенции и регионализации как глубинный этносоциокультурный процесс. Этническая культура показана генератором ритмов социальной динамики этносов, которые поддерживают ее главную функцию – формирование и сохранение индивидуально-личностной субъектности индивида-этнофора.

Ключевые слова: глобализация, регион, глокализация, культура, этносоциокультурная система.

Yemelianova Yuliia. The Functions of Ethnic Culture in the Era of the «New Regionalism» (Socio-Philosophical Analysis). The article considers and analyzes the phenomenon of ethnic culture in the modern social process. Sociology marks the end of another wave of globalization and the beginning of the formation of local resources, which are accompanied by significant social functions of modern states. The main social institutions are publicly accessible social prospects, etc. Inflation of system-forming functions leads to the fact that individuals actualize the fundamental form of solidarity – the ethnic solidarity.

Two contradictory processes – the disintegration of nations as the leading social communities of the 20th century, and the activation of ethnic group consciousness – form new sociocultural constructs, analyzing which sociology announces the beginning of an era of multiregionalism or «new regionalism». In search of a theoretical explanation of the mechanisms of this process, the author refers to the concept of culture and related concepts such as «ethnic culture», «core culture», «ethno-sociocultural system», etc.

The generalization of the concept of culture and post-non-classical epistemology allows us to explain the mechanisms of ethnocultural convergence and regionalization as a deep ethno-sociocultural process. This process presupposes the existence of a multitude of local ethno-cultural subjects, deprived of objectivity and legitimizing acts, but capable of narrowing or increasing their social influence. The generator of the rhythms of the social dynamics of ethnic groups is the ethnic culture, which has among its functions the main one – the function of forming the individual personality subjectivity of a person.

Key words: globalization, region, glocalization, culture, ethno-socio-cultural system.

Ємельянова Юлія. Функції етнічної культури в епоху «нового регіоналізму (соціально-філософський аналіз). У рамках статті виконано аналіз функції етнічної культури під час завершення чергової хвилі глобалізації й початку епохи мультирегіоналізму або «нового регіоналізму». Виявлено, що цей соціальний процес супрово-

джується втратою національними державами низки важливих функцій, у тому числі гарантій соціального захисту та гарантій спільної соціальної перспективи. Інфляція концепту нації повертає індивідів до актуалізації фундаментальної форми солідарності – етнічної.

У традиції постнекласичної епістемології автор генералізує концепт культури й пропонує пояснення механізмів етнокультурної конвергенції та регіоналізації як прихованого, але міцного етносоціокультурного процесу. Етнічну культуру при цьому подано як генератор ритмів соціальної динаміки етносів, які підтримують її головну функцію – формування й збереження індивідуально-особистісної суб'єктності індивідів-етнофорів.

Ключові поняття: глобалізація, регіон, глокалізація, культура, етносоціокультурна система.

Постановка проблеми. Существует обоснованное мнение о том, что социальный процесс, называемый глобализацией, последние два десятка лет теряет свою динамику под натиском этнической и конфессиональной дивергенции. Традиционные региональные центры (США, ЕС) проходят этап внутренней реконфигурации, напряжение социальных ритмов все больше ощущается в, условно говоря, на западном полушарии, социальные процессы все больше концентрируются в нескольких региональных зонах, в том числе в Африке и Тихоокеанском регионе, Китае, Индии. Социология отразила указанные изменения в ряде понятий, среди которых – «новый мировой порядок», «альтернативная глобализация», «новый регионализм», «автономизация», «изоляциялизм», «мультирегионализм» и другие.

Представления о глобализации как о всеобщей конвергенции, сформированные экономическим детерминизмом в социальных науках, опровергаются социальной практикой. Теряет научные позиции мнение о том, что сколько-нибудь значимые в современном мире социальные группы и институты формируются преимущественно экономическими отношениями и интересами. В экономической системе глобализации фактом становится утрата одним из фундаментальных социальных институтов в Европейском регионе, государством, важнейших своих функций – работодателя, социального гаранта, социального регулятора, носителя общей социальной перспективы и др. Инфляция функций государства приводит к обесцениванию концепта нации, что заставляет индивидов актуализировать фундаментальную форму солидарности – этническую. Однако в современной социальной теории этническая идентичность членов наций либо отрицается, либо признается архаичной, а также объявляется социально-историческим фантомом или результатом воздействия политических технологий со стороны маргинальных элит. В таком случае проблемой становится не только объяснение факта активизации этнического фактора социальных изменений, но и нахождение детерминанта формирования новых внеэкономических солидарностей в виде новых региональных социокультурных объединений.

Анализ последних исследований и публикаций. Предчувствие радикальных социальных изменений и попытка указать на движущие силы новых процессов отмечается в работах А. Андреева, Г. Арефьевой, А. Ахиезера, У. Бека, Е. Быстрицкого, М. Буравого, В. Бурлачука, Э. Гидденса, П. Гречко, Ж. Делеза, Ж. Дюрана, Э. Калинина, М. Люскина, С. Макеева, С. Московичи, Н. Скворцова, П. Слотердайка, В. Степина, О. Тоффлера, Дж. Урри, Г. Широкова, П. Штомпки, К. Хабибуллина, А. Яковенко и др. Указанные и другие исследователи отметили одновременное проявление двух противоречивых процессов в функционировании социального поля – глобализации и локализации или регионализации. Термином, который теоретически связал два «расходящихся» процесса, в современной цивилизации стал «глокализм» (glocalism), а реальность социальных процессов предстала как этносоциокультурная с ее главным субъектом – этносом.

Цель статьи. Предпринимаемая в рамках журнальной статьи попытка объяснить глубинные основы противоречия между процессами глобализации и регионализации приводит к задаче акцентировать внимание на двух концептах – социальной реальности и культуры. Их содержание в рамках постнеклассической эпистемологии дает возможность по-новому осветить многообразие социального, культурного и этнокультурного опыта в меняющемся мире.

Результаты исследования. Количество направлений, подходов, концепций по объяснению процесса новой фрагментации социального поля огромно. Попытка их систематизировать и классифицировать приводит к констатации того, что сделать это корректно достаточно сложно, так как их известно более тридцати: регионализм «старый» и «новый»; экономический, монетарный, культурный; кросс-, интер-, транс-, мультирегионализм; «чистый» и «гибридный», интровертированный, закрытый, оборонительный, регулированный, развивающий регионализмы т. д. (Börzel, 2011, p. 5). Перечисленные понятия являются настолько же различными, как и объекты исследования, на которые

они указывают. Ситуация усугубляется также отсутствием единого определения того, что такое регион. В широком смысле при комплексном подходе можно назвать регионом территорию, на которой наблюдается социальная сплоченность по критериям этнической принадлежности, языку, религии, идеологии, культуре, экономических связей, исторической памяти и даже расы. Берн Хеттне, один из создателей теории «нового регионализма», анализирует этот феномен как сложный макро- и микроуровневый, в спектре от политического до социокультурного, с участием, с одной стороны, государства, а с другой – множества культурных явлений, архетипов и неинституализированных форм (Hettne, 2005). Стать новым регионом означает перейти из состояния пассивной территории (общности) в состояние активного (политического) субъекта, то есть продемонстрировать общество с его функциональных позиций. Только тогда регион становится главным субъектом исторического процесса, получает историческую легитимность и возможность определять будущее регионального сообщества. (Hettne, Soderbaum, 2000).

Соглашаясь с мнением известных специалистов по изучению процесса дивергенции в нынешнем социальном движении, мы будем руководствоваться также современным пониманием культуры, предложенным в теориях в рамках социокультурной концепции. В ней утверждается культура как способ эволюционной самоорганизации отдельного сообщества, как совокупность программ духовной деятельности людей и основание предметности в целом (А. Ахиезер, Е. Быстрицкий, А. Гусейнов, М. Каган, Н. Лапин, С. Крымский, Э. Орлова, В. Степин и др.).

Сконцентрировавшись на двух концептах, возможно объяснить, почему оказывается несостоятельной идея глобального «сверхобщества» или глобального «плавильного котла», в котором особенности традиционной культуры народов низводятся до уровня специфики маргинальных субкультур. При этом носителям этнических культур открывается перспектива стать материалом для глобальной гомогенной «общечеловеческой» общности.

Напомним, что представления о глобализации как о всеобщей конвергенции, сформированные экономическим детерминизмом, опровергаются социальной практикой. Примером может служить идея и практика мультикультурализма, которая стала концентрированным выражением всего того негативного в глобализации, что отмечается немецким социологом У. Бекком (Бек, 2001). Он писал, что глобализационные процессы создают множества разнопорядковых локальностей, взаимодействующих друг с другом, приводя к одновременным процессам гомо- и гетерогенизации. Мультикультурализм имплицитно содержит представление о всемогуществе социальных и культурных образцов, созданных западной цивилизацией, но практика объединительных процессов доказала, что образцы «жизнеповедения» невозможно «усреднять», что культуры не равны, а различны. Идеология культурного релятивизма, формировавшая модель новой солидарности, оказалась нежизнеспособна, что отметили ведущие теоретики этносоциальных процессов в разных странах, в том числе С. Бенхабиб, Ч. Кукатас, В. Малахов и др., и о чем громко заявили европейские политические лидеры – А. Меркель, Н. Саркози, Д. Кэмерон, Г. Вилдерс и др.

Какие же особенности социальной реальности детерминируют наблюдаемый процесс формирования новых региональных сообществ?

Спецификой социального движения на рубеже XX–XXI вв. является его стремительность, планетарная масштабность, в которой открываются глубокие антропологические основы качественной определенности социального мира. В современной социальной теории человек предстает как существо самоформирующееся, несущее в себе механизм упорядочивания реальности. В исследованиях Н. Бернштейна, А. Ухтомского, М. Мерло-Понти, Дж. Гибсона и др. показана зависимость между телесной структурой человека и сотворением им локального интерсубъективного пространства, где формируются знаковое поведение и язык общения, игра, ритуал, миф, историческая память и солидарность.

Социальная реальность и индивид предстают в многомерности своего бытия, понимаются как процессуальные, «пульсирующие»; социальное пространство-время определяется как со-бытийное, со-вместное и со-временное, т. е. заполненное, поскольку устанавливается всегда заново, исходя из логики проявления сингулярного со-бытия. Изменчивость, неустойчивость, текучесть социальной реальности, своеобразное «искривление» социального пространства приводят, с одной стороны, к образованию зон

ускоренного роста, а с другой – к консервации традиционных практик, культур, темпов жизни (Кемеров, 2012; Отрешко, 2009; Степин, 2009; Черныш, 2005).

Иначе говоря, социальная теория указывает на «пульсирующее» состояние множества локальных этнокультурных субъектов, лишенных объектности и не имеющих легитимирующих актов, однако способных сужать или увеличивать свое социальное влияние. Каждый субъект такого рода является определенным результатом эволюции социальной материи, воплощает механизм ее самоорганизации, когда в противоречии культурного (в широком понимании культуры как фундированного психикой механизма становления антропологической социальности) и социального закладываются основы нового мира: сознание, мораль, видовая социальность и солидарность, и одновременно социокультурная (этнокультурная) специфика. Социокультурный способ существования и есть человеческое существование, так как предполагает создание человеком смысловой интерсубъективной среды, конституированной базовыми концептами культуры – пространством и временем, а также погружение человека в эту среду, ее воспроизводство и изменение (Емельянова, 2012; Хесле, 1994; Яковенко, 2011).

Каждая этническая культура «по-своему» организует социальную солидарность, создает и изменяет социальные позиции индивидов, обрисовывает границы локальной социальной организации, а также действует на человека принуждающе, – указывая как на ограничения, так и на возможности его активности. Можно при этом указать на интегративную функцию культуры, которая соединяет взаимодействия чувственного и рационального восприятия мира членами культурных групп. Важно вспомнить о идеалообразующей функции культуры как показателе потенциала дальнейшего усложнения психических процессов, позволяющих индивиду различать реальность «материальную» и «духовную». Технологическая функция культуры состоит в том, что культура формирует целостность структур телесности и сознания, которая конституируется единством соматических, психических и социальных функций человека. Эта функция этнической культуры создает новый уровень локальной социокультурной сложности: этнофор производит себя в культуре посредством механизмов локальной культуры. Наконец, вследствие обобщения физических и психических характеристик членов локальной социокультурной общности формируется *этничность* как «предельный» аспект их пространственной совместности, который отличает их от абстрактной «общечеловеческой» общности. Этот процесс сопровождается становлением еще более сложной характеристики локальной культурной общности, интегрирующей этничность, – ментальности как смысловой интерсубъективной совместности. Главная же функция этнической культуры состоит в том, что она является наиболее оптимальной («человекомерной») средой формирования индивидуально-личностной субъектности индивида, и потому предназначена быть генератором ритмов социальной динамики этносов.

Глобализация действительно привела к расширению (раскрытию) локальных миров как естественному процессу освоения всего разнообразия жизни одних культур другими. Однако специфика их организации заставляет их сохранять свою партикулярную этнокультурную солидарность, иначе это противоречило бы фундаментальной тенденции социальной реальности в ее стремлении к этнополикультурности. Уникальность условий существования отдельной социокультурной группы в топосе – конкретной ситуации совместности, активно переживаемой индивидами как «эпизод» своего бытия, в который они вовлечены как в со-бытие, со-действие, со-знание, не позволяет группе быть «материалом» глобализации.

Сегодняшние процессы в поликультурных пространствах Западной Европы и Северной Америки показывают, что смещение культурной диффузии в сторону «общечеловеческого» не может глубоко затронуть фундаментальные основания этнического пласта социального пространства, можно говорить лишь о тенденции их взаимодействия и взаимообогащения.

Еще более неблагоприятные условия для социокультурной гомогенизации отмечают исследователи в Азии: исторические траектории и иная архитектура существующей интеграции; множество основных культурных и религиозных блоков; три разных принципа написания и чтения, включая вязь, идеограммы и алфавит; базирование правовой культуры на семейной или общинной солидарности; примат социальной стабильности над индивидуальными свободами (Katzenstein, 2000).

В то же время объективная невозможность абсолютного слияния приводит этнические социокультурные системы к постоянно идущей конкуренции, в которой и определяется этническая социокультурная система-лидер, формирующая региональную конфигурацию. Такая система отличается

определенными качествами своих этнофоров в системе координат традиция/инновация. Так, исследования (Rammer, 2016) показывают, что в чужой этнокультурной среде индивид не всегда есть объектом воздействия, а лишь при условии сформированной в нем ранее готовности к восприятию чужой культуры: открытость к новизне становятся условием вхождения элементов и символов чужой культуры, паттернов поведения в его сознание, где готовность или неготовность принять отличия «не-Мь» и переосмыслить как «не-Я» и делают индивида объектом или субъектом воздействия. Ценность нового, инновационного при сохранении базового традиционного является характеристикой конкретной этнической культуры и ее организационного социального кода.

Украинская наука в вопросе этнического феномена имеет давние достижения, которые позволяют современным украинским ученым продолжать исследования природы и характера этнических процессов, утверждая этническое разнообразие как преимущество в социальных процессах эпохи постглобализации (Афанасьева, 2018; Кузнецова, 2016).

Выводы. Глобализм и регионализм можно рассматривать как конкурирующие способы формирования и понимания современного мира. Два противоречивые процесса – распад наций как ведущих социальных общностей XX в. и активизация этнического группового сознания – формируют новые социокультурные конструкты, анализируя которые, социология объявляет о начале эры мультирегионализма или «нового регионализма». Таким образом заявляют о себе компенсационные социальные процессы дивергентного характера, в том числе этническая социальность (этничность), которая сохраняется в латентной форме лишь до того момента, пока индивидам определенной культурной группы не угрожает разрушающее духовное и физическое воздействие. Такое «поведение» этнической культурной системы определяется ее фундаментальными эволюционными функциями, среди которых наиважнейшая – создание и сохранение оптимальной (физической и информационной) среды и условий становления «человека разумного», которое продолжается по сей день.

Анализируемые нами эволюционные механизмы формирования социальной реальности как реальности локальных этнических культурных систем позволяют уверенно утверждать практическую невозможность искусственного социального конструкта, который выдержит испытание временем, если не будет обеспечивать определенное состояние культурной составляющей (в широком смысле) каждого этнического элемента такого конструкта.

Источники и литература

1. Андреев, А. (1996). Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства. *Обществ. науки и современность*. № 1, 105–114.
2. Арефьева, Г., Калинин, Э., Люскин М. (2002). Постклассический подход к познанию социального и этнического. *Философия и общество*. № 1, 16–45. <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2018-01-06-11>.
3. Афанасьева, Л., Глинская, Л. (2018). Межкультурная консолидация как гарантия национального единства и стабильности в Украине. *Социологические студии*, 1(12), 6–11. DOI: <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2018-01-06-11>.
4. Ахиезер, А. (1998). *Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России)*. Новосибирск: Сибирс. Хронограф. 600 с.
5. Бек, У. (2001). *Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию*. Пер. с нем. Москва: Прогресс-Традиция. 304 с.
6. Бурлачук, В. (2002). *Символ и власть: Роль символических структур в построении картины социального мира*. Киев: Ин-т социологии. 266 с.
7. Гидденс, Э. (2005). *Устроение обществ: Очерки теории структуризации*. Москва: Академ. проект. 528 с.
8. Гречко, П. (2009). *Культурные коды и типы социальности: коллективизм, индивидуализм, плюрализм*. Москва: РОССПЭН. 440 с.
9. Емельянова, Ю. (2012). *Этнос в социокультурной реальности*. Севастополь: Изд-во СевНТУ. 456 с.
10. Кемеров, В. (2012). *Общество, социальность, полисубъектность*. Москва: Академический проект. Фонд «Мир». 252 с.
11. Кузнецова, А. (2016). Емпірична репрезентація втілення інтеркультурної політики на прикладі мережі європейських міст. *Соціологічні студії*, 2 (9), 6–11. DOI: <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2016-02-47-51>
12. Отрешко, Н. (2009). Картины социального мира в современной социальной теории. *Вопросы социальной теории: Научный альманах. Т. III. Социальность и культура в изменяющемся мире*. Вып. 1 (3), 125–140.

13. Сафонов, А., Орлов, А. (2012). Концептуальные проблемы теории этноса в контексте глобализации. *ALMA MATER (Вестник высшей школы)* № 2, 17–21.
14. Слотердайк, П. (2010). *Сферы. Плюральная сферология*. Пер. с нем. К. В. Лоцевского. Т. 3, Санкт-Петербург: Наука, 924 с.
15. Степин, В. (2009). Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия. *Постнеклассика: философия, наука, культура*. Санкт-Петербург: Издат. дом «Мирь». 249–295. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199381135.013.2113>
16. Тоффлер, О. (1997). *Футурошок*. Пер. с англ. Санкт-Петербург: Лань, 464 с.
17. Хесле, В. (1994). Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. *Вопросы философии*. № 10, 112–123.
18. Черныш, Н., Ровенчак, О. (2005). Социокультурный подход в социогуманитарных науках: обмен смыслами. *Социология: теория, методы, маркетинг*. № 4, 92–103.
19. Широков, Г. (2004). Регионализация: новые тенденции мирового развития на рубеже XX и XXI веков. *Новая и новейшая история*. № 4, 55–66.
20. Яковенко, А. (2011). Архаичные смыслы как социальные конструкты в условиях глобализации. *Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*. № 17, 155–160.
21. Börzel, T. A. (2011). Comparative Regionalism: A New Research Agenda. *KFG Working Paper*. No 28, 37 p.
22. Burawoy, M., Verdery, K. (1999). *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the PostSocialist World*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield. 322 p. <https://doi.org/10.2307/2697064>
23. Hettne, B. (2005). Beyond the «new» regionalism. *New Political Economy*. Vol. 10(4). Retrieved September 16, 2018 from <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13563460500344484>.
24. Hettne, B., Soderbaum, F. (2000). Theorizing the Rise of Regionness. *New Political Economy*. Vol 5(3). Retrieved September 16, 2018 from <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/713687778>. <https://doi.org/10.1080/713687778>
25. Katzenstein, P. J. (2000). Regionalism and Asia. *New Political Economy*. No 5/3, 353–368. Retrieved September 11, 2018 from https://www.researchgate.net/publication/233052612_Regionalism_and_Asia. <https://doi.org/10.1080/713687777>
26. Rammer, V. (2016). An analysis of different cultures and their impact on exchange students: *A Comparative Study of Austria and Sweden*. Retrieved October 23, 2018 from https://www.fh-ooe.at/fileadmin/user_upload/fhooe/ueberuns/kongresswesen/2016/ccbc/allgemein/docs/fhooe-ccbc2016-B3-B2-rammer-victoria.pdf.

References

1. Andreev, A. (1996). Ethnic revolution and reconstruction of the post-Soviet space. *Social sciences and modernity*. No1, 105–114.
2. Arefieva, G. Kalinin, E., Liuskin M. (2002). Postclassical approach to social and ethnic knowledge. *Philosophy and society*. No. 1, 16–45. <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2018-01-06-11>.
3. Afanasyeva, L., Glinskaya, L. (2018). Intercultural consolidation as a guarantee of national unity and stability in Ukraine. *Sociological Studios*, No 1 (12), 6–11. DOI: <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2018-01-06-11>.
4. Akhiezer, A. (1998). *Russia: Criticism of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia)*. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 600 p.
5. Beck, U. (2001). *What is globalization? The mistakes of globalism are the answers to globalization*. Transl. from German. Moscow : Progress Tradition, 304 p.
6. Burlachuk, V. (2002). *Symbol and power: The role of symbolic structures in building a picture of the social world*. Kyiv : Institute of Sociology, 266 p.
7. Giddens, E. (2005). *The arrangement of societies: Essays on the theory of structure*. Moscow: Academ. project, 528 p.
8. Grechko, P. (2009). *Cultural codes and types of sociality: collectivism, individualism, pluralism*. Moscow: Russian political encyclopedia, 440 p.
9. Yemelyanova, Y. (2012). *Ethnicity in socio-cultural reality*. Sevastopol: Publishing SevNTU, 456 p.
10. Kemerov, V. (2012). *Society, social, polysubject*. Moscow: Academic Project. Peace Foundation, 252 p.
11. Kuznetsova, A. (2016). The Empirical Representation of the Embodiment of Intercultural Policy on the Example of a Network of European Cities. *Sociological Studios*. No 2 (9), 6–11. DOI: <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2016-02-47-51>
12. Otrushko, N. (2009). Pictures of the social world in modern social theory. *Questions of social theory: Scientific almanac*. T. III. *Sociality and culture in a changing world*. Issue 1 (3), 125–140.
13. Safonov, A., Orlov, A. (2012). Conceptual problems of the theory of ethnos in the context of globalization. *ALMA MATER (Herald of Higher Education)*. No 2, 17–21.

14. Sloterdijk, P. (2010). *Spheres. Plural spherology*. Translation from German K.V. Loschevsky. T. 3., St. Petersburg: Science, 924 p.
15. Stepin, V. (2009). Classics, non-classics, post-non-classics: criteria for discrimination. *Post-non-classics: philosophy, science, culture*. St. Petersburg: Mir Publishing House, 249–295. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199381135.013.2113>
16. Toffler, O. (1997). *Futurokhok*. Transl. from English. St. Petersburg: Lan, 464 p.
17. Hesle, V. (1994). The crisis of individual and collective identity. *Questions of philosophy. No 10*, 112–123.
18. Chernysh, N., Rovenchak, O. (2005). Socio-cultural approach in the social sciences of humanities: the exchange of meanings. *Sociology: theory, methods, marketing. No 4*, 92–103.
19. Shirokov, G. (2004). Regionalization: new trends in world development at the turn of the 20th and 21st centuries. *New and recent history. No 4*, 55–66.
20. Yakovenko, A. (2011). Archaic meanings as social constructs in the context of globalization. *Methodology, theory and practice of sociological analysis of the relevant organization. No 17*, 155–160.
21. Börzel, T. A. (2011). Comparative Regionalism: A New Research Agenda. *KFG Working Paper. No 28*, 37 p.
22. Burawoy, M., Verdery, K. (1999). *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the PostSocialist World*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield. 322 p. <https://doi.org/10.2307/2697064>
23. Hettne, B. (2005). Beyond the «new» regionalism. *New Political Economy*. Vol. 10(4). Retrieved September 16, 2018 from <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13563460500344484>.
24. Hettne, B., Soderbaum, F. (2000). Theorizing the Rise of Regionness. *New Political Economy*. Vol 5(3). Retrieved September 16, 2018 from <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/713687778>. <https://doi.org/10.1080/713687778>
25. Katzenstein, P. J. (2000). Regionalism and Asia. *New Political Economy*. No 5/3, 353–368. Retrieved September 11, 2018 from https://www.researchgate.net/publication/233052612_Regionalism_and_Asia. <https://doi.org/10.1080/713687777>
26. Rammer, V. (2016). An analysis of different cultures and their impact on exchange students: *A Comparative Study of Austria and Sweden*. Retrieved October 23, 2018 from https://www.fh-ooe.at/fileadmin/user_upload/fhooe/ueberuns/kongresswesen/2016/ccbc/allgemein/docs/fhooe-ccbc2016-B3-B2-rammer-victoria.pdf.